

Сочинения Александра Пушкина. Томы IX, X и XI. СПб., 1841.

Русская критика XVIII--XIX веков. Хрестоматия. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности N 2101 "Рус. яз. и литература". Сост. В. И. Кулешов. М., "Просвещение", 1978.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Профессор Московского университета, ведущий критик "Москвитянина", один из главных антагонистов Белинского и "натуральной школы". Шевырев был сторонником правительственного курса, но, в отличие от Булгарина, Сенковского и других, у него политика "официальной народности" получала наиболее тщательную разработку с целой системой философской и исторической аргументации. Это выразилось в оценках ведущих явлений современной русской литературы, либо в осуждении их, либо в приспособлении к "охранительному" направлению. Пушкин рассматривался Шевыревым как певец "гармонии", Лермонтов -- как поэт, зашедший в тупик со своим "западническим" индивидуализмом и демонизмом, Гоголь -- всего лишь как мастер "комической бессмыслицы", а вовсе не как реалист и сатирик российской действительности.

В статьях о Пушкине, Лермонтове и Гоголе Шевырев выступал постоянным "оппонентом" Белинского. Однако некоторые частные наблюдения и выводы Шевырева заслуживают внимания: он указывал на двойственность, внутреннюю противоречивость Гоголя. В других работах -- на необходимость сравнительного изучения литературы.

Текст печатается с сокращ. по изд.: "Москвитянин", 1841, ч. V, кн. 9, с. 236-270; 1841, ч. I, кн. 2, с. 515--538; 1841, ч. II, кн. 3, с. 525-540; 1842, ч. IV, кн. 7, с. 208--228; кн. 8, с. 347--376, все статьи -- в критическом отделе журнала.

Три последние тома Сочинений Пушкина наконец явились в свет {Шевырев имеет в виду издание сочинений Пушкина 1839--1841 гг., осуществленное "опекой", то самое, о котором писал и Белинский в своих знаменитых одиннадцати статьях о великом поэте.}. Кто, любя искренно русскую поэзию, не бросится на них со всею жадностью раздраженного ожидания? Это ведь последнее, что нам и всей России осталось от нашего незабвенного художника, которого мы так рановременно, так ужасно потеряли. <...>

Да, чем более изучаем мы произведения Пушкина, особенно последние, чем более вглядываемся во все окружающее нас в современной русской литературе,-- тем более чувствуем, что потеря наша незаменима. Но успокоив чувство грусти, посвятим самое глубокое внимание изучению последних плодов его творческой деятельности; постараемся проникнуть в то направление, какое принял поэт в последние годы своей жизни; постараемся здесь определить его характер, ибо здесь, как видно по всему, он был в самой могучей поре своего развития, -- и осмелимся хотя слегка приподнять завесу будущего, которую навсегда закрыла от нас неумолимая рука смерти.

Еще за несколько лет до своей кончины поэт, первый мастер русского стиха, победительно усвоил себе и русскую прозу, и равно искусно владел обеими формами отечественной речи, умея, как никто другой в литературе нашей, полагать самые строгие границы между русскими стихами и русской прозою.

Но эти две формы, резко отличенные друг от друга, никогда им не сливаемые, как мы докажем после, и всегда поддерживаемые в равной степени их относительного достоинства, не без особенного значения являются под пером Пушкина в позднейших его произведениях. Они служат выражением для двух главных направлений, которые в последнее время принял дух его. Стихами изображал он тот мир идеально прекрасный, где было первоначальное назначение Пушкина и где воспиталась его вдохновенная муза; прозу предоставлял для того мира живой действительности, с которою опыт собственной жизни познакомил его гораздо позднее, -- и это знакомство не было избрано гением Пушкина по собственному сознанию, а скорее вызвано было потребностью века {Тезис о Пушкине как выразителе "идеально прекрасного мира" в противопоставлении реальной действительности уже намечает истолкование творчества поэта в духе "чистого искусства", впоследствии подхваченное А. В. Дружининым и другими критиками.}.

Из трех томов, теперь вышедших, девятый содержит стихи Пушкина и представляет плоды его первого направления; том десятый заключает в себе прозу и относится ко второму; наконец том